
**ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА И КРИМИНОЛОГИИ,
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА
PROBLEMS OF CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY, CRIMINAL
ENFORCEMENT LAW**

Научная статья

УДК/UDC 343

DOI: 10.21779/2224-0241-2025-54-2-139-146

**К вопросу о предмете ведения уголовного законодательства и некоторых аспектах современной
уголовной политики**

5.1.4 — Уголовно-правовые науки

Расул Магомедович Акутаев

Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Российская Федерация, akutaevrm@mail.ru

Аннотация. В рамках представленной статьи подвергнута критическому анализу точка зрения отдельных специалистов об отнесении уголовного законодательства к предмету совместного ведения органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти ее субъектов. Приведены аргументы, свидетельствующие о нежелательности и контрпродуктивности этих предложений. Обращено внимание на некоторые актуальные аспекты современной уголовной политики, связанной, в частности, с проведением специальной военной операции, необходимостью дальнейшей дифференциации уголовной ответственности и наказания, активизацией борьбы с коррупционной и рецидивной преступностью.

Ключевые слова: уголовное законодательство, предмет ведения, дифференциация ответственности, коррупционная преступность, рецидивная преступность

Для цитирования: Акутаев Р.М. К вопросу о предмете ведения уголовного законодательства и некоторых аспектах современной уголовной политики // Юридический вестник ДГУ. 2025. Т. 54, № 2 (74). С. 139–146. DOI: 10.21779/2224-0241-2025-54-2-139-146

Original article

On the subject of criminal law and some aspects of modern criminal policy

5.1.4 — Criminal law sciences

Rasul M. Akutaev

Dagestan State University, Makhachkala, Russian Federation, akutaevrm@mail.ru

Abstract. Within the framework of the presented article, the existing point of view of individual experts on the attribution of criminal legislation to the subject of joint jurisdiction of the state authorities of the Russian Federation and the state authorities of its subjects is critically analyzed. Arguments are presented that indicate the undesirability and counterproductively of these proposals. Attention is drawn to some relevant aspects of modern criminal policy, in particular, related to the conduct of a special military operation, the need for further differentiation of criminal responsibility and punishment, and the intensification of the fight against corruption and recidivism.

Keywords: criminal law, subject matter, differentiation of responsibility, corruption crime, recidivism

For citation: Akutaev R.M. On the subject of criminal law and some aspects of modern criminal policy. *Yuridicheskii vestnik DGU = Law Herald of DSU*, 2025, vol. 54, no. 2 (74), pp. 139–146. DOI: 10.21779/2224-0241-2025-54-2-139-146. (In Russ.).

Подобно тому как конечной целью внутриполитической деятельности является борьба за власть, за обладание легитимным правом по отправлению государственно-властных полномочий, уголовная политика, являясь разновидностью социальной политики, направлена на минимизацию преступности,

устранение или нейтрализацию детерминирующих ее причин и фоновых явлений, что, в конечном счете, позволяет эффективно предупреждать преступность. Уголовная политика в данном случае рассматривается как непрерывный процесс по решению стоящих перед ней задач и достижение поставленных целей.

Они сформулированы в соответствующих законодательных актах, которые в совокупности образуют уголовно-правовую политику государства, являющуюся неотъемлемой, составной частью уголовной политики. В этой связи уголовно-правовую политику (законодательную ее составляющую) можно рассматривать как формально-определенную, общеобязательную и материализованную форму уголовной политики.

В этом плане следует выделить два ключевых аспекта уголовной политики. Это – уголовно-правовая политика, выраженная в системе законодательных актов, регулирующих материально-правовые отношения в сфере уголовной юрисдикции, и уголовная политика, непосредственно касающаяся применения уголовного законодательства (политика правоприменения). Полагаем, нет необходимости обращать внимание на то, что оба названных аспекта уголовной политики тесно взаимосвязаны и взаимодействуют между собой. Отметим только, что отсутствие определенности и непоследовательности в проведении уголовно-правовой политики, что обычно проявляется в неоднозначности и неточности уголовного законодательства, существенно искажает восприятие правоприменителем перспектив развития уголовного законодательства, ее изначальной ценности, в то время как пренебрежение обобщением и анализом практики применения уголовного законодательства чревато несвоевременностью устранения законодательных противоречий и несовершенств, что, в свою очередь, создает предпосылки для проявлений разного рода ошибок в правоприменительной деятельности.

Объективная оценка приведенных составляющих уголовной политики позволяет говорить о первичности уголовно-правовой или законодательной политики над политикой правоприменения. Именно уголовно-правовая политика государства, закрепленная в отправных принципах и нормах уголовного законодательства, устанавливает правила игры, являющиеся руководством к действию для всех участников уголовно-правовых отношений, в том числе для правоприменителей.

Однако, предваряя рассмотрение некоторых особенностей современной уголовной политики, хотелось бы обратить внимание и высказать свое мнение на более общую проблему, касающуюся предмета ведения уголовного законодательства. Необходимость в этом обусловлена предложениями, имеющими место в отдельных публикациях, в том числе в принятых нормативных актах, а также в некоторых высказываниях специалистов в области уголовного права о целесообразности отнесения уголовного законодательства к предмету совместного ведения органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти ее субъектов.

Как известно, в настоящее время согласно Конституции Российской Федерации (статья 71) уголовное законодательство находится в ведении Российской Федерации. Оно представляет собой деятельность Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по подготовке, принятию, изменению и отмене законодательных актов, содержащих уголовно-правовые нормы, то есть нормы, регулирующие общественные отношения материально-правового характера в связи с совершением преступления или общественно опасного деяния со стороны невменяемого либо лица, не достигшего возраста уголовной ответственности. При этом первостепенной задачей уголовного законодательства является его дальнейшее совершенствование относительно адекватного отражения состояния и развития общества, повышения эффективности стратегии и тактики борьбы с преступностью, ее предупреждения.

На наш взгляд, положение Конституции Российской Федерации, относящее уголовное законодательство к предмету ведения федеральных органов государственной власти, теоретически и практически обосновано и не подлежит какой-либо ревизии и пересмотру. Что касается предложений по отнесению уголовного законодательства к предмету совместного ведения федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов федерации, то в основе этих предложений, полагаем, лежат несколько факторов. В частности, с одной стороны, это неоднозначность, двусмысленность соответствующих положений Конституции Российской Федерации, в отдельных случаях – очевидное проявление правового невежества; а с другой стороны – своего рода нерасторопность, запаздывание федеральных органов государственной власти с принятием законодательства по борьбе с отдельными опасными формами преступных проявлений. Поясним данную мысль на соответствующих примерах.

Так, известная логическая противоречивость, двусмысленность характерна для предмета ведения Российской Федерации «регулирование и защита прав и свобод человека и гражданина» (пункт «в», статья 71 Конституции Российской Федерации) и предмета совместного ведения «защита прав и свобод человека и гражданина» (статья 72, пункт «б» части 1 Конституции Российской Федерации).

При рассмотрении вопроса о конституционности соблюдения процедуры принятия Федерального закона от 08.06.2012 г. № 65-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» Конституционный суд Российской Федерации определил, что «основное предназначение Федерального закона от 8 июня 2012 года № 65-ФЗ состоит в регулировании конституционного права собираться мирно, без ору-

жия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование путем определения порядка и условий реализации данного права, а также в защите прав и законных интересов граждан при проведении публичных мероприятий, т. е. он затрагивает одновременно как сферу ведения Российской Федерации, а именно регулирование и защиту прав и свобод человека и гражданина (статья 71, пункт «в» Конституции Российской Федерации), так и сферу совместного ведения, а именно защиту прав и свобод человека и гражданина (статья 72, пункт «б» части 1 Конституции Российской Федерации)» [5].

Между тем, по результатам исследования, проведенного М.В. Кравченко, выяснилось, что в законопроекте № 70631-6, впоследствии ставшем Федеральным законом от 8 июня 2012 года № 65-ФЗ, в строке «Предмет ведения» стоит значение «Ведение РФ», что не предполагало направление законопроекта для согласования в субъекты Российской Федерации. Это и стало одной из причин оспаривания в Конституционном суде Российской Федерации данного федерального закона [4, с. 71].

Примером очевидного правового невежества, вызывающим ошибочное представление о предмете ведения уголовного законодательства и не только противоречащим уголовному законодательству Российской Федерации, предусматривающему осуществление помилования в качестве исключительного полномочия Президента Российской Федерации (статья 75 УК РФ), но и грубо нарушающим в указанной части Конституцию Российской Федерации (пункт «в» статьи 89), являлось положение пункта 13 статьи 90 Конституции Республики Дагестан 1994 года, предусматривавшего полномочие Государственного Совета Республики Дагестан по осуществлению помилования лиц, осужденных судами судов Республики Дагестан [7]. Возражения ученых в этой части в процессе обсуждения законопроекта не были своевременно и должным образом восприняты законодателем [2]. Тем не менее, вскоре после принятия очередной (пятой по счету) Конституции Республики Дагестан указанная норма судом была признана недействующей и не подлежащей применению.

Кроме явно выраженного правового невежества, еще одним фактором незаконного вмешательства в уголовно-правовое регулирование со стороны субъектов Российской Федерации, как бы вынуждающих их принимать соответствующие правовые акты, является неоправданная медлительность федеральных органов с принятием законодательных актов, которые могли бы устранить пробелы в борьбе с отдельными категориями преступности, как это, например, имело место в противодействии коррупции. По этому поводу в юридической литературе справедливо отмечается, что «отсутствие законодательных ориентиров на федеральном уровне вынуждает субъекты Федерации предпринимать попытки, направленные на принятие и ис-

полнение собственных нормативных правовых актов по данному вопросу, которые не всегда соответствуют федеральному законодательству. Так, Закон Волгоградской области от 09.07.2002 г. № 721-ОД «О борьбе с коррупцией на территории Волгоградской области» действовал менее двух месяцев и был признан недействующим и не подлежащим применению решением Судебной коллегии по гражданским делам Волгоградского областного суда» [1].

Ошибочность и нецелесообразность предложений по отнесению уголовного законодательства к предмету совместного ведения можно объяснить также следующими соображениями.

Прежде всего, надо подчеркнуть, что уголовное законодательство не может рассматриваться в отрыве от уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательств. Не случайно все эти отрасли российского права, одновременно являющиеся научными дисциплинами, относятся к циклу уголовно-правовых дисциплин. Их объединяет не только внутреннее единство, обусловленное единством задач и целей их деятельности, ключевыми из которых являются противодействие преступности и ее предупреждение, но и тесное взаимодействие, направленное на решение этих задач и достижение поставленных целей. Уголовно-процессуальная и уголовно-исполнительная отрасли права, образно говоря, выступают естественными формами бытия уголовного права. Без соответствующей формы, обеспечивающей применение норм уголовного права, и без реального исполнения уголовных наказаний, назначенных судом осужденным лицам, уголовное право превратилось бы в юридическую фикцию. В этом плане было бы алогично и ничем не оправдано переводить уголовное законодательство к предмету совместного ведения, оставляя за федеральными органами две других неразрывно взаимосвязанные с ним отрасли законодательства.

Кроме того, необходимо также учитывать, что в настоящее время реализация вышеуказанных задач в области правоохранительной и правоприменительной деятельности, в том числе исполнение уголовного наказания, возложены на федеральные государственные органы. Следовательно, перевод только уголовного законодательства к совместному ведению федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации неизбежно не только повлечет за собой соответствующее изменение содержания законодательства, что, полагаем, было бы не столь «разрушительно» (в конечном счете, можно было бы скомпилировать, то есть списать уголовные кодексы субъектом с действовавшего на то время УК РФ, по мере необходимости обновляя их), но и внесет определенный хаос в компетенцию системы государственных органов, на которых в настоящее время возложена обязанность осуществлять борьбу с преступностью, что может

негативно отразиться на ее состоянии и структуре. К чему вело ослабление государственной власти в целом и, в частности, ее органов, обязанных вести борьбу с разного рода правонарушениями, видно по так называемым «лихим девяностым» годам. Повторять это, думаем, нет никакой необходимости, и было бы ошибочной авантюрой.

Уголовное законодательство, в отличие от российского административного законодательства, которое, как известно, с недавнего времени является предметом совместного ведения, регулирует общественные отношения, причиняющие значительно более ощутимый, существенный вред общественным отношениям и (или) личностным благам. Соответственно, преступные деяния, особенно тяжкие и особо тяжкие преступления, наказываются строже, чем административные проступки, вплоть до пожизненного лишения свободы. Перевод уголовного законодательства к совместному ведению неизбежно повлечет за собой разноту в правовой регламентации уголовно-правовых санкций за совершение одного и того же преступления в разных субъектах Российской Федерации¹, что противоречит ряду основополагающих принципов российского права.

Будучи приверженцем идеи и принципа единого правового пространства, считаем такой разноту контрпродуктивным. В частности, это неизбежно приведет к нарушению конституционного принципа равенства граждан перед законом, поскольку в субъектах Российской Федерации в этом случае регламентация наказаний за одно и то же преступление может быть разная. Ссылаться при этом на определенное различие условий жизнедеятельности в разных субъектах, как представляется, если и оправдано, то только в плане рассмотрения факторов преступности и их дальнейшей нейтрализации или устранения. Это никак не может оправдать разную оценку вида и размера наказания за одно и то же преступление в разных субъектах федерации. Такой подход изначально противоречит принципу единообразия понимания и применения уголовно-правовых норм на всей территории Российской Федерации. Подобного рода волюнтаризма и «многоголосица» в уголовно-правовых отношениях неизбежно приведут к «плюрализму» законности. Скажем, реальные проявления законности «по-дагестански», «по-московски» или «по-татарски» в области регулирования уголовно-правовых отношений будут отличаться друг от друга и от законности других субъектов Российской Федерации. Ко всему прочему, это противоре-

чит роли и значению многочисленных постановлений пленумов Верховного суда Российской Федерации, содержащих обобщение судебной практики по отдельным категориям уголовных дел, в которых обращается внимание нижестоящих судов на необходимость единообразного понимания и применения норм уголовного законодательства судами Российской Федерации на всей ее территории.

На наш взгляд, трудно, если вообще возможно, представить себе общественно опасное деяние, имеющее преступный, но при этом исключительно региональный характер, которое не было бы охвачено действующим российским уголовным законодательством. Если же в наше время ставить вопрос о криминализации, а точнее – о возрождении имевших место в старом Уголовном кодексе РСФСР преступлений, составляющих пережитки местных обычаев, то, представляется, что это было бы не просто анахронизмом, но и явным проявлением неуважения и дискриминации определенной социально-этнической общности людей, проживающих на соответствующих территориях Российской Федерации, включая жителей Дагестана.

Завершая рассуждения о предмете ведения уголовного законодательства, следует сказать и о том, что круг специалистов, которые были бы способны профессионально и на системном уровне, то есть без нарушения внутренних и внешних связей российского уголовного законодательства с иными отраслями права, с соблюдением соответствующих юридическо-технических требований сформулировать и изложить новые положения уголовного законодательства, новые уголовно-правовые нормы, в каждом конкретном субъекте Российской Федерации весьма ограничен. В этих условиях, полагаем, нет необходимости всем субъектам Российской Федерации иметь свои уголовные кодексы [6, с. 170]².

Переходя к рассмотрению некоторых особенностей современной уголовной политики, следует отметить, что одним из основных ее постулатов является дифференциация уголовной ответственности в зависимости от категории совершенного преступления, от степени его общественной опасности. Суровые меры уголовной ответственности применимы, прежде всего, к виновным лицам в совершении тяжких и особо тяжких преступлений. К лицам же, совершившим преступления небольшой или средней тяжести, тем более – впервые, уголовный закон предусматривает менее строгие наказания, как правило, не связанные с лишением свободы, или даже освобождение от уголовной ответственности. Такой фундаментальной,

¹ Это напоминает ситуацию в США, где каждый штат имеет свое уголовное законодательство, и даже возможность применения смертной казни в каждом штате толкуется по-своему. В большинстве штатов она применяется, в отдельных штатах ее применение приостановлено, а в некоторых – в системе наказаний не предусмотрена.

² В связи с этим вспоминается принятие Уголовного кодекса Чечено-Ингушской республики в сентябре 1996 года, который не выдерживал никакой критики и, по компетентному заключению, представлял собой документ, «находящийся в вопиющем противоречии с основными правами человека».

стратегической линии придерживаются российское уголовное законодательство и правоприменительная практика. В этом плане следует отметить, что активно применяемое российскими судами лишение свободы (условно или реально), которое в настоящее время составляет половину всех применяемых судами видов уголовных наказаний, постепенно вытесняется альтернативными видами наказаний, например, такими, как общественные работы, ограничение свободы, принудительные работы. Это положение обусловлено тем, что в структуре преступности две трети преступлений составляют преступления небольшой или средней тяжести, т.е. нетяжкие преступления. Создание соответствующей инфраструктуры, в частности, исправительных центров, где осужденные должны отбывать принудительные работы, способствовало расширению применения данного вида наказания. Примером такой ситуации может служить Республика Дагестан. До последнего времени здесь не было ни одного исправительного центра, что затрудняло применение судами данного вида наказания. В настоящее время построено два исправительного центра и находится на стадии завершения строительство еще один центр, что дает возможность судам чаще применять принудительные работы вместо лишения свободы.

Однако представляется, что законодатель должен более скрупулезно и предметно относиться к проблеме дифференциации уголовного наказания за разные категории преступлений, посягающие на наиболее важные объекты уголовно-правовой охраны. Если следовать положению ч. 1 ст. 2 УК РФ «Задачи Уголовного кодекса Российской Федерации», такими объектами, которым законодатель придает первостепенное значение, являются права и свободы человека и гражданина, а также собственность. С учетом этого, на наш взгляд, в обеспечении охраны жизни и собственности от особо тяжких преступных посягательств российский законодатель не в полной мере используют весь потенциал, заложенный в принципе дифференциации уголовного наказания. Поясним свою мысль.

В условиях проведения специальной военной операции в отношении так называемых украинских карателей, которые насилуют и убивают мирных жителей, как это имело место в отношении 22 мирных жителей села Русское Поречное Курской области [3], наиболее адекватным наказанием, по нашему убеждению, могла бы стать исключительно смертная казнь. В противном случае на государственном уровне мы имеем, если не поощрение, то по умолчанию провоцирование самосудов, поскольку такого рода надругательства и жестокие убийства не подлежат прощению и не имеют сроков давности. Государство же, прикрываясь решением Конституционного суда о неприменении смертной казни на территории Российской Федерации, в обоснование которого приведено множество международно-правовых актов, которые игнорируются и нарушаются, в том числе, так называемыми

«странами западной демократии», которые руководствуются в своей деятельности не нормами правовых актов, а выдуманными виртуальными правилами, перекладывает свою функцию по охране граждан от предельно циничных и жестоких преступлений на плечи рядовых граждан – тех же военнослужащих, родственников убитых мирных жителей и пр.

Полагаем, что каждому разумному человеку вполне очевидно, что степень общественной опасности преступлений, совершенных против мирных, незащищенных граждан со стороны вооруженных до зубов карателей, гораздо выше и всегда влечет за собой вполне объяснимое общественное возмущение и негодование по сравнению со многими преступлениями, наказуемыми пожизненным содержанием. Однако при отсутствии возможности применить смертную казнь, приходится ограничиваться применением к указанным нелюдям пожизненного лишения свободы, что, по нашему убеждению, не соответствует не только принципу дифференциации наказания, но и элементарным нормам общечеловеческой морали.

Нельзя признать отвечающим приведенному принципу и посягательства на чужую собственность в особо крупном размере. Причем в этом случае не учитывается очень важный, как представляется, вопрос: с какого объекта совершено, скажем, хищение. Хищение оборудования или соответствующих деталей к нему, без которых невозможно проведение намеченной военной операции, особенно в условиях военного времени, военного положения или проведении СВО, очевидно, должно наказываться гораздо строже, чем хищение в мирное время, вне территории проведения СВО.

Кроме того, пробельность уголовного законодательства видится и в том, что в нем нет четкой дифференциации ответственности за особо крупное посягательство на собственность, в частности, хищение. Как известно, под это понятие подпадают многие посягательства на собственность, если стоимость похищенного имущества составляет свыше одного миллиона рублей и до бесконечности (см. примечание к ст. 158 УК РФ). В настоящее время, о чем свидетельствует правоприменительная практика, размеры хищений могут достигать десятки, сотни миллионов, а то и миллиарды рублей. Однако все они охватываются искомым определением – особо крупный размер. И даже миллиардные хищения никак не влияют на дифференциацию наказания, что, на наш взгляд, противоречит самой сути уголовного законодательства, предусматривающего уголовную ответственность и наказание, в первую очередь, в зависимости от характера и степени тяжести совершенного преступления. Относительная определенность санкций уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за особо крупные хищения, на наш взгляд, не может в полной мере обеспечить адекватность уголовно-правовой оценки многомиллионных и миллиардных хищений. Нужны более радикальные меры.

Одним из важных направлений современной уголовной, как, впрочем, и социальной политики в целом, которому уделяется пристальное внимание со стороны руководства страны, является всесторонняя забота об участниках специальной военной операции. Наряду с принятыми нормативными правовыми актами, регулирующими их трудовые, социально-бытовые, медицинские и иные отношения, 23 марта 2024 года был принят Федеральный закон № 64-ФЗ, согласно которому лицо, совершившее преступление, за исключением определенного вида преступлений, предусмотренных в указанном законе, призванное на военную службу в период мобилизации или в военное время либо заключившее в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракт о прохождении военной службы в Вооруженных силах Российской Федерации, а равно лицо, совершившее преступление в период прохождения военной службы в период мобилизации, в период военного положения или в военное время, в отношении которых производство по уголовному делу приостановлено по ходатайству командования воинской части (учреждения) в случаях, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, освобождается от уголовной ответственности при наступлении следующих обстоятельств:

- со дня награждения государственной наградой, полученной в период прохождения военной службы;

- со дня увольнения с военной службы по основанию, предусмотренному подпунктом «а», «в» или «о» пункта 1 статьи 51 Федерального закона от 28 марта 1998 года № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе». Речь в перечисленных пунктах идет о достижении предельного возраста пребывания на военной службе, состоянии здоровья военнослужащего и в связи с окончанием периода мобилизации, военного положения и (или) истечением военного времени.

По этим же основаниям лицо, отбывающее наказание за совершение преступления, кроме преступлений, исключение в отношении которых предусмотрено частью первой статьи 78.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, призванное на военную службу в период мобилизации или в военное время в Вооруженные Силы Российской Федерации либо заключившее в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракт о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации и освобожденное от наказания условно, освобождается от наказания в полной мере, то есть без каких-либо условий.

Считаем, что указанные новеллы уголовного законодательства в известном смысле есть новое слово нынешней уголовной политики, учитывающей современные реалии проведения специальной военной операции. Это – своего рода законодательный прием, дающий право и предоставляющий возможность оступившемуся лицу искупить свою вину на поле брани, доказать, прежде всего, себе

и окружающим свое исправление, возможность стать достойным членом общества.

По-прежнему, одним из наиболее важных направлений современной уголовной политики, нашедших отражение в многочисленных законодательных актах, принятых на разных уровнях, является борьба с коррупцией. Причем эта борьба носит не формальный и декларативный характер. Анализ судебно-следственной практики как в целом по Российской Федерации, так и в ее субъектах свидетельствует о многочисленных фактах привлечения к ответственности за коррупционные преступления не только рядовых, но и высокопоставленных должностных лиц в лице губернаторов отдельных областей, министров, их заместителей, руководителей департаментов и иных лиц, занимающих государственные должности. О неформальности и наступательности борьбы с коррупцией в известной мере может служить правоприменительная практика Республики Дагестан, где лишь за последнее время к уголовной ответственности за указанного рода преступления привлечены бывшие заместители министров внутренних дел и образования Республики Дагестан, бывший руководитель Главного бюро медико-социальной экспертизы (МСЭ), главы администраций отдельных городов и районов и некоторые другие должностные лица.

Регулярно в республике проводятся заседания Комиссии по противодействию коррупции. Очередное из них состоялось 28 ноября 2024 года, на котором были заслушаны доклады глав ряда городов республики о положении дел в борьбе с коррупцией. На заседании также были рассмотрены итоги декларационной компании 2024 года, исполнение решений Комиссии в текущем году и утвержден план работы Комиссии по противодействию коррупции в республике на следующий год.

Значимым подспорьем в борьбе с коррупционными правонарушениями служит законодательство, обязывающее государственных служащих ежегодно декларировать свои доходы и расходы. В рамках этой деятельности в последнее время можно наблюдать активизацию органов прокуратуры в плане проведения такого рода надзорных проверок.

В борьбе с коррупцией совершенствуется и само законодательство, в том числе под влиянием правовых позиций Конституционного суда Российской Федерации. Так, в плане усиления борьбы с коррупционными правонарушениями большое значение имеет Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 октября 2024 года № 49-П, которое, безусловно, повлечет за собой дальнейшее развитие законодательства, согласно которому не распространяются какие-либо сроки давности, ограничивающие «возможность подачи прокурором искового заявления с требованиями об обращении в доход Российской Федерации имущества как приобретенного вследствие нарушения лицом, замещающим (занимающим) или замещавшим (занимавшим) публично значимую должность, требований и запретов, направ-

ленных на предотвращение коррупции, в том числе имущества, в которое первоначально приобретенное вследствие указанных нарушений имущество (доходы от этого имущества) было частично или полностью превращено или преобразовано» [9].

Еще одним важным направлением современной уголовной политики является активизация борьбы с рецидивной преступностью, необходимость которой подтверждается ее высокими показателями. Так, на рабочей встрече Президента Российской Федерации В.В. Путина с министром юстиции Российской Федерации К.А. Чуйченко, состоявшейся в январе 2022 года, было заявлено, что уровень рецидивной преступности в Российской Федерации составляет 44%. На этой же встрече министр юстиции получил одобрение Президента о создании в Российской Федерации системы пробации, направленной, в первую очередь, на минимизацию рецидивной преступности и создание соответствующих условий для всесторонней реабилитации этих лиц после освобождения от наказания. Также было одобрено предложение министра о замене лишения свободы примерно ста тысячам осужденных на менее строгое наказание в виде принудительных работ, что должно положительно сказаться на снижении уровня рецидивной преступности.

В плане реализации достигнутых договоренностей 6 февраля 2023 года был принят Федеральный закон № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации», задачами которого, как сказано в самом Законе, «являются создание условий для оказания помощи лицам, в отношении которых применяется пробация, в вопросах восстановления социальных связей, востребованности профессиональных навы-

ков и трудоустройства, обеспечения жильем, получения образования, реализации права на социальное обслуживание, получения медицинской, психологической и юридической помощи в соответствии с законодательством Российской Федерации, обеспечение гарантий защиты прав и свобод человека и гражданина» [8]. Нет сомнений в том, что при соответствующей организации работы поставленные задачи будут решены.

Что касается перевода осужденных к лишению свободы к отбытию наказания в виде принудительных работ, то на этот процесс заметное влияние оказала начавшаяся вскоре после состоявшейся рабочей встречи специальная военная операция, поскольку определенная часть осужденных изъявила желание непосредственно принять участие в СВО. Очевидно, что после завершения специальной военной операции этот процесс будет продолжен.

В заключение хотелось бы отметить, что четко выверенная и сформулированная уголовная политика в сочетании с прогрессивным и отвечающим требованиям переживаемого периода уголовным законодательством, сами по себе недостаточны для успешной борьбы с преступностью. Все это своего рода компас, необходимый и надежный инструментарий в противодействии преступности. Решающим же фактором в этой борьбе, на наш взгляд, являются преданность своему делу, высокий профессионализм и человеческие качества сотрудников правоохранительных и судебных органов. От их отношения к делу, самоотверженности и настойчивости в борьбе с преступностью в решающей степени зависит достижение целей уголовной политики.

Список источников

1. *Авершин В. В.* Совершенствование системы разграничения предметов ведения и полномочий в Российской Федерации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2007. № 3.
2. *Акутаев Р. М.* Конституция, права человека и судебная власть // Дагестанская правда. 1994. 18 января.
3. *Коц А.* Ничто не останется безнаказанным: в Курской области вскрылись массовые казни и изнасилования мирного населения душегубами из ВСУ. СК установил причастных к гибели 22 мирных жителей Русского Поречного. URL: <https://www.kp.ru/daily/27658/5043275/> (дата обращения: 31.01.2025).
4. *Кравченко М. В.* О проблемных аспектах принятия федеральных законов по предметам совместного ведения // Мониторинг правоприменения. 2023. № 2. С. 69–82.
5. По делу о проверке конституционности Федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» и Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобой гражданина Э.В. Савенко»: Постановление Конституционного Суда РФ от 14.02.2013 г. № 4-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 8, ст. 868.
6. *Цекатунова Л. Б.* История принятия Уголовного кодекса Чечено-Ингушской Республики в 1996 году // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 10. С. 169–171.
7. Конституция Республики Дагестан. Закон. Конституционное Собрание Республики Дагестан. 26.07.1994. URL: https://businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_45311.html (дата обращения: 29.01.2025).
8. О пробации в Российской Федерации: Федеральный закон от 06.02.2023 г. № 10-ФЗ. URL: <https://rg.ru/documents/2023/02/09/probacia.html> (дата обращения: 31.01.2025).
9. По делу о проверке конституционности статей 195 и 196, пункта 1 статьи 197, пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 200, абзаца второй статьи 208 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Краснодарского краевого суда: Постановление Конституционного Суда РФ от 31.10.2024 г. № 49-П. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_489414 (дата обращения: 31.01.2025).

References

1. Avershin V. V. Sovershenstvovanie sistemy razgranichenija predmetov vedenija i polnomochij v Rossijskoj Federacii [Improving the system of differentiation of subjects of jurisdiction and authority in the Russian Federation], *Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena* [Proceedings of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen], 2007, no. 3. (In Russ.).
2. Akutaev R. M. Konstitucija, prava cheloveka i sudebnaja vlast' [Constitution, human rights and judicial power], *Dagestanskaja Pravda* [Dagestanskaya Pravda], 1994. January 18. (In Russ.).
3. Кос А. Nichto ne ostanetsja beznakazannym: V Kurskoj oblasti vskrylis' massovye kazni i iznasilovanija mirnogo naselenija dushegubami iz VSU. SK ustanovil prichastnyh k gibeli 22 mirnyh zhitelej Russkogo Porechnogo [Nothing will go unpunished: Mass executions and rapes of civilians by murderers from the Armed Forces of Ukraine have been revealed in the Kursk region. The Investigative Committee has identified 22 civilians involved in the deaths of Russian residents of Porechnoye]. (In Russ.). Available at: <https://www.kp.ru/daily/27658/5043275/> (accessed 31.01.2025).
4. Kravchenko M. V. O problemnyh aspektah prinjatija federal'nyh zakonov po predmetam sovmestnogo vedenija [Problem aspects of passing federal laws on the items of joint jurisdiction], *Monitoring pravoprimerenija* [Monitoring of Law Enforcement], 2023, no. 2, pp. 69-82. (In Russ.).
5. Po delu o proverke konstitucionnosti Federal'nogo zakona "O vnesenii izmenenij v Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarushenijah" i Federal'nyj zakon "O sobranijah, mitingah, demonstracijah, shestvijah i piketirovanijah" v svyazi s zaprosom gruppy deputatov Gosudarstvennoj Dumy i zhaloboj grazhdanina Je.V. Savenko": Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 14.02.2013 g. № 4-P [In the case of the review of the constitutionality of the Federal Law "On Amendments to the Code of Administrative Offences of the Russian Federation" and the Federal Law "On Assemblies, Rallies, Demonstrations, Marches and Picketing" in connection with the request of a group of deputies of the State Duma and the complaint of citizen E.V. Savenko": Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 02/14/2013 no. 4-P], *Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii* [Collection of legislation of the Russian Federation], 2013, no. 8, art. 868. (In Russ.).
6. Cekatunova L. B. Istoriya prinjatija Uголовного кодекса Чечено-Ингушской Республики в 1996 году [The history of the adoption of the Criminal Code of the Chechen-Ingush Republic in 1996], *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2009, no. 10, pp. 169-171. (In Russ.).
7. Konstitucija Respubliki Dagestan. Zakon. Konstitucionnoe Sobranie Respubliki Dagestan. 26.07.1994 [Constitution of the Republic of Dagestan. Law. The Constitutional Assembly of the Republic of Dagestan. 07/26/1994]. (In Russ.). Available at: https://businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_45311.html (accessed 29.01.2025).
8. O probacii v Rossijskoj Federacii [On probation in the Russian Federation]: RF Federal Law No. 10-FZ dated 02/06/2023. (In Russ.). Available at: <https://rg.ru/documents/2023/02/09/probacia.html> (accessed 31.01.2025).
9. Po delu o proverke konstitucionnosti statej 195 i 196, punkta 1 stat'i 197, punkta 1 i abzaca vtorogo punkta 2 stat'i 200, abzaca vtorogo stat'i 208 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zaprosom Krasnodarskogo kraevogo suda: Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 31.10.2024 g. № 49-P [In the case of the review of the constitutionality of Articles 195 and 196, paragraph 1 of Article 197, paragraph 1 and paragraph two of paragraph 2 of Article 200, paragraph two of Article 208 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the request of the Krasnodar Regional Court: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 31.10.2024 No. 49-P]. (In Russ.). Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_489414 (accessed 31.01.2025).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Акутаев Расул Магомедович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии юридического института Дагестанского государственного университета, Заслуженный юрист Российской Федерации, г. Махачкала, Российская Федерация. E-mail: akutaevrm@mail.ru

Поступила в редакцию 10.02.2025 г.; одобрена после рецензирования 05.04.2025 г.; принята к публикации 30.05.2025 г.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Akutaev Rasul Magomedovich, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Institute of Dagestan State University, Honored Lawyer of the Russian Federation, Makhachkala, Russian Federation. E-mail: akutaevrm@mail.ru

Received 10.02.2025; approved after reviewing 05.04.2025; accepted for publication 30.05.2025